O.V.K — X.T.R

СМЕРТЬ

ПРЕДЕЛ ЖИЗНИ
И РЕМЕСЛО ПРОВОЖАЮЩЕГО

КАК ЕЁ ВСТРЕЧАЮТ, ПРОВОЖАЮТ И ПОМНЯТ

♀

O.V.K — X.T.R

СМЕРТЬ

ПРЕДЕЛ ЖИЗНИ И РЕМЕСЛО ПРОВОЖАЮЩЕГО

Книга о том, как о смерти думали древние и как думают врачи,
как провожают умирающего, горюют и помнят,
что в этом устройство, а что вера — и отчего предел делает день ценным

†

НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

«Кто научился умирать, тот разучился быть рабом».

— Сенека, «Письма к Луцилию»

♀

Книга писана для того, кто провожает,
и для того, кто однажды будет провожаем.
Устройство изложено как устройство,
границы — как границы,
и ничто не выдаётся за закон природы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

† †

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОСНОВАНИЯ

I. Что такое смерть для живых 2
II. Слово и его происхождение 3
III. Три основания 4
IV. Древние о смерти 5
V. Обряд у всех народов 6
VI. Опыты нашего века 7
VII. Русская линия 8
VIII. Чем смерть не является 9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. УСТРОЙСТВО

IX. Три круга 11
X. Умирание 12
XI. Горе 13
XII. Обряд 14
XIII. Дела после 15
XIV. Память 16
XV. Страх и предел 17
XVI. Мера 18

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. РЕМЕСЛО

XVII. Говорить о смерти 20
XVIII. Быть при умирающем 21
XIX. Устроить свои дела 22
XX. Проводить 23
XXI. Горевать 24
XXII. Быть при горюющем 25
XXIII. Помнить 26
XXIV. Думать о своей 27

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ПРОТИВНИК

XXV. Молчание 29
XXVI. Торговля бессмертием 30
XXVII. Смерть как зрелище 31
XXVIII. Неустроенные дела 32
XXIX. Горе без обряда 33
XXX. Горе без конца 34
XXXI. Ложная надежда 35
XXXII. Жизнь, отложенная на потом 36

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ГРАНИЦА

XXXIII. Чего ремесло не может 38
XXXIV. Что устройство, а что вера 39
XXXV. Смерть и дело 40
XXXVI. Упражнения 41
XXXVII. Гигиена провожающего 42
XXXVIII. Правила провожающего 43
XXXIX. Правила горюющего 44
XL. Заключение: смерть и мера 45

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

♀

ОСНОВАНИЯ

Что есть смерть для живых и откуда её имя, что знали древние,
что общего в обряде у всех народов, что нашли опыты,
и отчего предел делает день ценным

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что такое смерть для живых

†

Книга эта не о том, что есть смерть *для* умершего, — о том решает вера, и книга не спорит; она о том, что смерть есть *для* живых: предел, который делает жизнь конечной, событие, которое требует обряда, и утрата, которую надлежит пережить.

Определение содержит три части, и на них стоит книга. *Предел* — жизнь имеет срок, и срок неизвестен; из этого следует всё, что стоики звали memento mori, а нынешние — ценностью дня; о том глава пятнадцатая. *Событие с обрядом* — смерть другого есть дело, которое делают: провожают, хоронят, поминают; и обряд этот один у всех народов, о чём глава пятая. *Утрата* — горе есть устройство, а не слабость; у него есть ход и мера, о чём глава одиннадцатая.

Книга эта стоит рядом с книгами о страхе, о ритуале и о даре: страх смерти есть корень всех страхов; ритуал — то, чем её встречают; дар — то, что остаётся после.

Различим наперёд три вещи, о которых глава девятая: **своя смерть** — предел, о котором думают в срок; **смерть близкого** — утрата с обрядом и горем; **смерть чужая** — та, при которой оператор бывает врачом, начальником, свидетелем, и она требует ремесла, а не чувства. Три круга; и ремесло у каждого своё.

Оттого части книги таковы: вторая — устройство: круги, умирание, горе, обряд, дела, память, страх, мера; третья — ремесло: говорить, быть при умирающем, устроить свои дела, проводить, горевать, быть при горюющем, помнить, думать о своей; четвёртая — противник: то, что портит ремесло, и те, кто на смерти торгует; пятая — граница устройства и веры, правила.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Слово и его происхождение

†

Русское «смерть» — от древнего корня «мер», того же, что в «мёртвый» и латинском mors; и приставка «с-» значила «своя, добрая»: «съмьрть» есть смерть своя, естественная, в отличие от насильственной.

Греческое thanatos — смерть и бог смерти, брат сна Гипноса; и родство сна и смерти — у всех народов, о чём книга о сне. **Латинское** mors; от него «мортальный», «морг». Memento mori — «помни о смерти» — слова раба за спиной триумфатора. **Обряд:** «похороны» — от «хоронить», прятать, беречь; «поминки» — от «поминать», держать в памяти; «тризна» — состязание в честь умершего; «панихида» — греческое «всенощное бдение».

Различим слова. *Смерть* — конец жизни. *Умирание* — путь к нему, дни или годы. *Кончина* — смерть, о которой говорят с почтением. *Гибель* — смерть насильственная или внезапная. *Утрата* — смерть для оставшихся. *Горе* — то, что они переживают. *Траур* — обряд горя со сроком. *Скорбь* — горе тихое и долгое. *Память* — то, что остаётся; *поминание* — обряд памяти.

«Ушёл», «покинул нас», «его не стало» — слова, которыми не говорят «умер»; о молчании — глава двадцать пятая; и книга говорит «умер», ибо ремесло начинается со слова.

Заметим, что в этой книге *смерть* означает событие в жизни живых; о том, что она есть для умершего, книга не говорит ни «да», ни «нет», о чём глава тридцать четвёртая.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Три основания

†

Всё дальнейшее стоит на трёх положениях, и они же отделяют ремесло от молчания и от торговли.

Первое: предел делает жизнь ценной, и думать о нём в срок есть ремесло, а не мрак. Стоики представляли смерть ежедневно, чтобы не тратить дня; и опыты показали, что напоминание о смерти делает людей ближе к своим. Думать всегда — болезнь; никогда — жизнь, отложенная на потом, о чём глава тридцать вторая; в срок — мера.

Второе: смерть требует обряда, и обряд один у всех. Проводить, омыть, одеть, собрать, предать земле или огню, есть вместе, помнить в срок: так делали и делают все народы при всех верах и без веры; о том глава пятая. Обряд держит живых, когда держать больше нечему; и горе без обряда не проходит, о чём глава двадцать девятая.

Третье: горе есть устройство, а не слабость; у него есть ход и мера. Оно идёт волнами, не ступенями; длится год и утихает, не кончаясь; и требует, чтобы ему дали идти. Горе, которому не дали идти, остаётся; горе без конца есть болезнь; о том главы одиннадцатая и тридцатая.

Из трёх положений выводится ремесло третьей части: говорить о смерти словом «умер»; быть при умирающем; устроить дела при жизни; проводить обрядом; горевать год; помнить в срок; и противники четвёртой: молчание, торговля, зрелище, неустроенные дела, горе без обряда и без конца.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Древние о смерти

†

Древние думали о смерти больше, чем о чём-либо, и оставили два ремесла: как думать о своей и как провожать чужую.

Египет. «Книга мёртвых» — наставление умершему на пути; и вся жизнь как подготовка к суду сердца: сердце взвешивают против пера правды. Устройство: смерть есть путь, к которому готовятся при жизни; и вера в это построила пирамиды.

Сократ пил яд, беседуя о бессмертии души, и сказал, что философия есть упражнение в умирании: кто всю жизнь отделял душу от тела, тому нечего бояться. **Эпикур:** пока мы есть, смерти нет; когда она есть, нас нет; и страх её есть страх ничего. Рассуждение это действует на боящихся небытия, о чём книга о страхе.

Стоики. Сенека: кто научился умирать, тот разучился быть рабом; представлять смерть ежедневно, чтобы ни один день не был потрачен; и умереть по своей воле, когда жить нельзя достойно, — он так и умер. Марк Аврелий: всё, что видишь, скоро исчезнет; и оттого делай, что должно, сейчас. Memento mori как ремесло дня, о чём глава двадцать четвёртая.

Обряд. Греки клали монету за переправу; римляне произносили имя трижды; все — омывали, одевали, провожали, ели вместе, ставили камень. Антигона умерла за право похоронить брата: обряд был выше закона.

Чему это учит. Древние знали, что о смерти думают при жизни, что рассуждение снимает половину страха и что обряд выше закона; и всё позднейшее есть уточнение.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Обряд у всех народов

†

Обряд смерти один у всех народов, при всех верах и без веры; и знать его общее устройство надлежит, чтобы совершить его, когда обычай забыт.

Проводить. Быть при умирающем: держать руку, говорить, прощаться; последние слова и последний вздох при своих. У всех народов умирать одному считалось несчастьем.

Омыть и одеть. Тело омывают и одевают в лучшее; делают это свои; и обряд этот есть последняя забота и первое прощание руками.

Собрать. Свои приходят; сидят при теле день или три; говорят об умершем; плачут вслух — плач был обрядом, и плакальщицы помогали тем, кто не мог. Горе делится на всех.

Предать. Земле, огню, воде, небу: по вере и обычаю; и место — известное, куда приходят.

Есть вместе. Поминки, тризна, трапеза: живые едят вместе после и этим возвращаются к жизни; смех на поминках есть обряд, о чём книга о смехе.

Помнить в срок. Третий день, девятый, сороковой, год; родительские субботы; день мёртвых; поминание по имени. Срок держит горе, о чём глава одиннадцатая: оно идёт по обряду, а не как попало.

Урок: *проводить, омыть, собрать, предать, есть вместе, помнить в срок; и всякий обычай есть этот чертёж со своими именами.*

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Опыты нашего века

†

Двадцатый век впервые изучил умирание и горе как устройство; итоги надлежит знать с оговорками, ибо самое известное из них — пять ступеней — оказалось не так.

Кюблер-Росс, 1969: беседы с умирающими; пять ступеней — отрицание, гнев, торг, тоска, принятие. Книга вернула умирающим голос; но ступени не идут по порядку и не у всех: опыты позже показали волны, а не лестницу; и ступени, ставшие требованием — «ты должен принять», — есть порча, о чём глава одиннадцатая.

Сондерс, 1967: первый хоспис; боль умирающего надлежит снимать, а не терпеть; и умирающий нуждается в том, чтобы его слушали. О том глава восемнадцатая.

Гринберг и другие, 1986: напоминание о смерти делает людей ближе к своим и строже к чужим; и вера, дело, дети суть способы, которыми ум справляется с пределом. Устройство, о котором глава пятнадцатая.

Бонанно, 2000-е: большинство горюющих справляются сами за год; горе идёт волнами; и «работа горя» по принуждению не помогает. О мере — глава шестнадцатая.

Гаванде, 2014, «Всё, что можно»: врачи лечат до конца, не спрашивая, чего хочет умирающий; и вопрос «чего вы боитесь и на что надеетесь» меняет последние месяцы больше, чем лечение. О разговоре — глава семнадцатая.

Урок общий: *горе идёт волнами и проходит у большинства; умирающего надлежит слушать и не мучить; и напоминание о смерти делает своих ближе.*

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Русская линия

†

У нас о смерти писали лучше, чем где-либо, и обряд держали дольше; линию эту надлежит знать.

Обряд. Плач — причитание, обряд горя вслух, с плакальщицами; сидение при теле; девятый и сороковой день; родительские субботы; кутья и блины. Обряд полный, о чём глава пятая, и живой до сих пор в деревне.

Державин на грифельной доске перед смертью: «Река времён в своём стремленьи уносит все дела людей» — и не дописал. **Пушкин:** «Брожу ли я вдоль улиц шумных» — мысль о смерти ежедневно, стоическая, и просьба быть похороненным «ближе к милому пределу».

Толстой, «Смерть Ивана Ильича»: умирание чиновника, окружённого ложью — все делают вид, что он поправится, — и один слуга Герасим говорит правду и держит ноги; о молчании — глава двадцать пятая. «Три смерти»: барыня, мужик, дерево — и мужик умирает проще. Сам Толстой ушёл из дома умирать на станции Астапово.

Фёдоров, «Философия общего дела»: долг живых — воскресить всех умерших наукой; вера, ставшая проектом; и от неё — Циолковский и космос.

Урок линии: плач вслух, срок поминания, правда при умирающем; и мысль о смерти как о том, что делает минуту ценной.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Чем смерть не является

†

Отсечём лишнее, ибо о смерти либо молчат, либо торгуют.

Смерть не есть то, о чём нельзя говорить. Молчание оставляет умирающего одного, о чём Толстой.

Она не есть поражение врача. Гаванде: лечение до конца без вопроса есть мучение.

Она не есть лестница из пяти ступеней: волны, и у всех свои.

Она не есть повод для торговли: о бессмертии за плату — глава двадцать шестая.

Она не есть зрелище: о новостях — глава двадцать седьмая.

Горе не есть слабость и не есть болезнь, покуда идёт; болезнь — когда стоит.

И она не решает вопроса о том, что после: о том глава тридцать четвёртая; книга не решает.

Что же она есть для живых? *Предел, который делает день ценным; событие, требующее обряда, одного у всех; и утрата, которую переживают волнами и год, с помощью обряда и своих*. Об устройстве — вторая часть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

♀

УСТРОЙСТВО

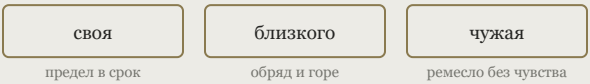
Три круга, умирание, горе, обряд,
дела после, память,
страх и предел, мера

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Три круга

†

Смерть приходит к живому в трёх кругах, и ремесло у каждого своё; смешение их — горевать о чужом как о своём или отстраняться от своего как от чужого — есть первая ошибка.

Своя. Предел, о котором думают в срок: устроить дела, сказать нужное, жить, зная конец. Ремесло стоиков; о нём главы девятнадцатая и двадцать четвёртая. Опасность — думать всегда или никогда.

Близкого. Утрата: провожать, хоронить, горевать, помнить. Ремесло обряда и горя; о нём главы двадцатая — двадцать третья. Опасность — без обряда и без конца.

Чужая. Врач при больном, начальник при работнике, сосед при соседе, свидетель при беде: смерть, при которой оператор делает дело — сообщает, помогает, устраивает, — не горюя как свой. Ремесло слова и присутствия; о нём главы семнадцатая, восемнадцатая и двадцать вторая. Опасность — горевать за всех или отстраниться до бесчувствия.

Три круга требуют одного: не молчать; и различаются мерой чувства: своей смерти — ясность, близкой — горе, чужой — забота.

Правило: *спроси, в каком круге ты; и делай ремесло этого круга, не заимствуя чувства другого.*

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Умирание

†

Умирание есть путь, дни или годы; и врачи двадцатого века описали его устройство, которого древние не знали, ибо умирали быстро.

Срок. Ныне умирают долго: болезнь, старость, лечение; и умирание стало временем, которое надлежит прожить, а не мигом. Гаванде: половина последних месяцев уходит на лечение, которого умирающий не хотел, ибо его не спросили.

Что нужно умирающему. Сондерс спросила — и умирающие ответили: без боли; не одному; с правдой; с тем, что можно ещё сделать: сказать, устроить, увидеть. Не «поправиться», ибо они знают; о молчании — глава двадцать пятая.

Боль снимается, и это ремесло врача; терпеть её нет нужды; и умирающий без боли способен на прощание, а с болью — нет.

Ход. Кюблер-Росс описала, что умирающий переживает: не хочет верить, сердится, торгуется, тоскует, принимает; и всё это приходит и уходит волнами, не по порядку; провожающий не ведёт его по ступеням, а идёт рядом там, где он сейчас.

Последние дни. Сон дольше, еда меньше, дыхание иное; тело знает своё; и провожающий не кормит насильно и не будит: он держит руку и говорит, ибо слух уходит последним.

Дом или больница. Большинство хочет умереть дома; большинство умирает в больнице; и устроить дом есть ремесло, о чём глава восемнадцатая.

Правило: *без боли, не одному, с правдой, с делом; рядом там, где он сейчас; и дома, если можно.*

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Горе

†

Горе есть устройство, а не слабость; у него есть ход, который идёт волнами, и мера, которая есть год; и ему надлежит дать идти.

Волны. Не ступени: тоска приходит и уходит, гнев возвращается через месяц, отрицание — на годовщине; Бонанно измерил: волны, у каждого свои, с промежутками, которые растут. Требовать «принятия» по расписанию есть порча Кюблер-Росс.

Первые дни — оцепенение и дело: обряд держит, о чём глава двенадцатая; и оттого горе полное приходит после сороковин, когда дело кончилось и все ушли.

Год. Первый год — все первые: праздник, лето, день рождения без него; и на годовщине волна; после — тише. Год есть мера обряда у всех народов, о чём глава пятой, и мера опытов Бонанно.

Тело. Горе есть тело: сон, еда, сердце; о том книга о страхе; и горюющему надлежит спать и есть, как больному.

Работа горя. Не «проработать», а прожить: говорить об умершем, плакать, помнить; и не по принуждению: молчащий горюет по-своему, если горюет. Мера — идёт ли.

Признаки того, что стоит: через год так же, как в первый месяц; жизнь не начата вновь; и вещи умершего как при нём; о горе без конца — глава тридцатая.

Правило: *волнами, не ступенями; год; спать и есть; говорить и помнить; и мера — идёт ли*.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Обряд

†

Обряд держит живых, когда держать нечему: он говорит, что делать, когда не знаешь, и собирает своих, когда хочется одному; о ритуале — та книга, здесь — обряд смерти.

Что делает обряд. Даёт дело: омыть, одеть, собрать, предать, накрыть стол; и дело держит в первые дни, о чём глава одиннадцатая. Собирает: свои приходят, и горе делится. Разрешает: плач вслух, траур, срок; горюющий знает, что можно. Отмечает: смерть признана всеми, и жизнь умершего названа вслух. И даёт конец: обряд кончается, и живые возвращаются к столу.

По вере и без. Чертёж один, о чём глава пятая; вера даёт ему слова и смысл; без веры — те же действия с иными словами; и обряд без веры работает как обряд, ибо он держит живых, а о мёртвом — вера.

Кто ведёт. Один: старший, священник, распорядитель; горюющие не ведут, их ведут; и оператор, оказавшийся рядом, берёт это на себя, о чём глава двадцатая.

Срок. Три дня, девять, сорок, год: обряд в срок держит горе в ходу; и пропущенный срок есть волна без опоры.

Порча: обряд без чувства — для вида; обряд, где горюющих не пускают горевать; и отсутствие обряда, о чём глава двадцать девятая.

Правило: *обряд даёт дело, собирает, разрешает, отмечает и кончает; веди его, если некому; и держи сроки.*

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Дела после

†

Смерть оставляет дела: бумаги, вещи, долги, дом, детей; и они ложатся на живых в худшие дни; ремесло их есть список, срок и один, кто ведёт.

Первые дни. Свидетельство, место, обряд, извещение своих: список на лист, по порядку; о порядке — та книга. Ведёт один, не горюющий сильнее всех; остальные помогают по списку.

Первый месяц. Бумаги: наследство, счета, договоры, долги; всё в одну папку с описью; ничего не выбрасывать до описи; о деньгах и близких — та книга.

Вещи. Не в первую неделю и не через год: в сорок дней начинают; три коробки, о чём книга о порядке: оставить, отдать, вон; и память — в одну коробку. Вещи, оставленные как при нём, суть горе, которое стоит, о чём глава тридцатая.

Дом. Кому и как — по бумаге при жизни, о чём книга о доме; без бумаги — спор, и спор переживает дом.

Долги. Долги умершего платят из наследства, не из своего; долги умершему — прощают или взыскивают по записи; и о них говорят прямо, ибо молчание растит их.

Дети и старики. Кто с ними — первый вопрос после смерти; и он должен быть решён при жизни, о чём глава девятнадцатая.

Правило: *список, один ведущий, папка с описью, ничего не выбрасывать до описи, вещи после сорока дней, и всё это — легче, если устроено при жизни*.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Память

†

Умерший остаётся памятью: именем, делом, рассказом, местом; и память есть устройство, которое живые держат, а не чувство, которое приходит само.

Имя. Поминание по имени в срок: у всех народов; о том, что имя держит, — книга об имени. Умерший, чьё имя не произносят, умирает второй раз.

Дело. Сделанное им продолжают: ремесло, дом, сад, дети; и дело есть единственная встреча со смертью, которая возможна при жизни, о чём книга о страхе и книга о даре. Продолжить его дело есть лучшее поминание.

Рассказ. Кто он был: сказать вслух на поминках, записать для детей, о чём книга о рассказе о семейном рассказе. Рассказ шлифуется и уходит от бывшего, и записанный в год честнее рассказанного через десять.

Место. Могила, камень, дерево, полка с фотографией: место, куда приходят в срок; и место, куда не приходят, зарастает вместе с памятью.

Вещь. Одна коробка памяти, о чём глава тринадцатая; вещь в руке напоминает; сто вещей давят.

Срок памяти. Год — обряд; десять лет — поминание; и потом — имя в рассказе; память тускнеет, и это устройство, а не измена.

Дворец памяти, о котором та книга: умершие и есть его жители; и оператор, помнящий своих, помнит, откуда он.

Правило: *имя в срок, дело продолжить, рассказ записать в год, место держать, одна коробка; и тускнение памяти не измена.*

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Страх и предел

†

Страх смерти лежит под всеми страхами, о чём книга о страхе; и предел, которого боятся, есть то, что делает день ценным; ремесло состоит в том, чтобы обратить первое во второе.

Устройство страха. Тревога с предметом неизбежным и далёким: не гасится встречей, ибо встречи нет до конца; ведётся образом и рассуждением. Эпикур — для боящихся небытия; стоики — для боящихся умирания; и различить, чего боишься, есть первое.

Устройство предела. Жизнь конечна и срок неизвестен — из этого следует, что день не повторится; и человек, знающий это, не откладывает; Гринберг: напоминание о смерти делает своих ближе. Предел есть мера ценности: бессмертному ничто не срочно.

Обращение. Стоики представляли смерть ежедневно — и это износ образа, о чём книга о страхе; и одновременно счёт дня: что я сделал сегодня, если бы он был последним. Страх, обращённый в счёт, есть memento mori.

Меры, которыми ум справляется: вера, дело, дети, имя; Гринберг назвал их щитами; и они же суть память, о чём глава четырнадцатая: что останется.

Порча — в обе стороны: думать всегда, о чём книга о страхе; не думать никогда, о чём глава тридцать вторая.

Правило: *различи, чего боишься; износи образ; обрати страх в счёт дня; и знай, что предел есть мера ценности.*

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Мера

†

Ремесло смерти имеет меру по времени мысли, по сроку горя, по обряду и по слову; и мера эта различна для трёх кругов.

Мысль о своей. В срок: вечером при разборе, о чём книга о созерцании; раз в год — дела и бумага; при беде — счёт дня. Не всегда и не никогда.

Горе. Год с волнами; после года — тише, не кончаясь; о горе без конца — глава тридцатая: когда через год как в первый месяц.

Обряд. Полный — по чертежу главы пятой, хотя бы малым: проводить, собрать, предать, есть вместе, помнить в срок; не пропускать ни одного; и не делать напоказ.

Слово. «Умер» — вслух; о смерти — когда спрашивают и когда пора; не всякий день и не никогда. С умирающим — правда в меру его вопроса, о чём глава семнадцатая.

Присутствие. При умирающем — сколько он хочет; при горюющем — сколько он терпит; и уйти, когда просят.

Чужая смерть. Забота без горя: сделать дело, сказать слово, не взять чужое горе себе; врач, горюющий о каждом, не врач через год.

Своя мера. Провожающий сам нуждается в отдыхе, сне и своих; о том книга о сне; горе других изматывает, и мера есть выход.

Правило: *о своей — в срок; горе — год; обряд — полный и малый; слово — «умер»; присутствие — сколько хотят; и свой отдых.*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

♀

РЕМЕСЛО

Говорить о смерти, быть при умирающем, устроить свои дела,
проводить, горевать, быть при горюющем,
помнить и думать о своей

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Говорить о смерти

†

Первое ремесло есть слово: сказать «умер», сказать умирающему правду в меру его вопроса, сказать ребёнку; и всё это трудно лишь до первого раза.

«Умер». Не «ушёл», не «его не стало»: слово прямое даёт признание, без которого горе не начинается; о том глава двадцать пятая. Сообщая о смерти — первой фразой, лицом, коротко; и потом молчать рядом; о плохой вести — книга о письме и о голосе.

Умирающему. Гаванде: спросить, что он знает и что хочет знать; и отвечать на вопрос, а не на свой страх. «Я умираю?» — «да; и я с тобой»; не «что ты, поправишься». Правда в меру вопроса: кто не спрашивает, тому не говорят насильно; кто спросил, тому не лгут. И два вопроса Гаванде: чего вы боитесь и на что надеетесь.

Ребёнку. Правду, коротко, словом «умер»; не «уснул» — ребёнок будет бояться спать; не «уехал» — будет ждать. Что это навсегда; что это не его вина; что он не один. И взять на похороны, если хочет: обряд нужен и ему.

Горюющему. Не «держись», не «всё будет хорошо», не «он в лучшем мире», если не знаешь его веры; «мне жаль», «я здесь», «расскажи о нём»; о том глава двадцать вторая.

О своей. С близкими: что хочу, где, как; о том глава девятнадцатая; разговор этот тяжёл минуту и бережёт годы.

Правило: *«умер» вслух; умирающему — в меру вопроса и «я с тобой»; ребёнку — правду коротко; горюющему — «я здесь»; о своей — при жизни.*

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Быть при умирающем

†

Быть при умирающем есть ремесло присутствия: снять боль, не оставить одного, слушать, дать сделать нужное; Сондерс описала его, и оно доступно всякому.

Боль. Первое: врач и лекарство; умирающий без боли способен на прощание; и просить о снятии боли есть право, а не слабость.

Присутствие. Сидеть; держать руку; говорить, даже если не отвечает, — слух уходит последним; не заполнять тишины; и уйти, когда просят, вернуться, когда зовут. О молчании как присутствии — книга о вопросе.

Слушать. Умирающий хочет рассказать: жизнь, обиду, просьбу; слушать, не поправляя; о слушании — та книга. И записать, что просил.

Дать сделать. Сказать кому-то; увидеть кого-то; устроить бумагу; попросить прощения; попрощаться. Провожающий устраивает это — зовёт, привозит, пишет под диктовку.

Дом. Большинство хочет умереть дома; устроить: постель, уход, врач на дом, свои по очереди; и это возможно чаще, чем кажется.

Своя мера. Очередь своих; сон; и не вина, если не был в минуту смерти: умирающие часто уходят, когда остаются одни.

Правило: *боль снять; сидеть и говорить; слушать и записать; дать сделать нужное; дома, если можно; и своя очередь*.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Устроить свои дела

†

Свою смерть устраивают при жизни: бумага, слово, дело; и это ремесло не мрачно, а есть забота о тех, кто останется; неустроенное ложится на них в худшие дни.

Бумага. Завещание: кому дом, кому вещи, кто с детьми; о деньгах и близких — та книга; и опись: где что лежит, какие счета, какие долги, пароли, ключи. Одна папка, известная одному близкому.

Воля о лечении. Чего хочу и чего не хочу, если не смогу сказать: Гаванде о том, что этого разговора избегают врачи и родные; записать и сказать тому, кто будет решать.

Воля об обряде. Где, как, с кем; коротко; чтобы своим не гадать.

Слово. Сказать при жизни то, что говорят на похоронах: спасибо, прости, люблю; и просьбу о прощении — тем, кому должен. Разговор, отложенный до последних дней, часто не успевает.

Дело. Кому передать ремесло, дом, дело; о передаче — книга о власти; и передать при жизни, оставшись рядом, о чём книга о доме.

Срок. Раз в год — папку пересмотреть; о годовом обряде — книга о порядке; и не «когда состарюсь»: срок неизвестен, о чём глава пятнадцатая.

Правило: *завещание, опись, воля о лечении и об обряде — в одной папке; слово при жизни; дело передано; и пересмотр в год.*

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Проводить

†

Проводить есть обряд первых дней; и если некому вести его, ведёт оператор — по чертежу главы пятой, зная, что делать, когда не знают.

Первые часы. Врач, свидетельство; сказать своим — лицом или голосом, первой фразой; и один взял список, о чём глава тринадцатая.

Тело. Омыть и одеть — своими руками, если обычай и сила позволяют; это последняя забота, и она держит. Кто не может — не заставляют.

Собрать. Дать своим прийти и сидеть; говорить об умершем; плакать вслух — плач есть обряд, и не останавливать его. Смех при воспоминании — тоже обряд.

Предать. По вере и обычаю; распорядитель ведёт; горюющие идут; и слово над ним: кто он был, коротко, вслух; о речи — та книга; если некому сказать — говорит оператор.

Стол. Есть вместе после; за столом — о нём, и живые возвращаются к жизни; о смехе на поминках — та книга.

Дети — с собой, если хотят, с объяснением, о чём глава семнадцатая; отстранённый ребёнок горюет один.

Сроки — назначить сразу: девятый, сороковой, год; и записать, ибо в горе забывают.

Правило: *список и один ведущий; омыть своими руками; собрать и дать плакать; слово над ним; стол; дети с собой; сроки записаны.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Горевать

†

Горевать есть ремесло, которому не учат; и оно состоит в том, чтобы дать горю идти волнами год, держась обряда, тела и своих.

Дать идти. Плакать, когда идёт; говорить о нём; молчать, когда не идёт; и не требовать от себя ни принятия, ни бодрости; о волнах — глава одиннадцатая.

Тело. Спать, есть, ходить: горе есть тело; о сне — та книга; и первые недели — как болезнь: без решений, без большого.

Обряд. Сроки: девятый, сороковой, год; место; имя; траур как разрешение горевать. Обряд ведёт, когда сил нет.

Свои. Не одному: принять помощь, дать дело помогающим; о том, что горе делится, — глава двенадцатая. И сказать, что нужно: «посиди», «расскажи о нём», «сделай за меня».

Письмо. Ему — неотправленное, о чём книга о письме; Пеннебейкер: письмо о пережитом облегчает; и дневник первого года.

Решения. Не в первый год: дом, переезд, брак, дело; горе решает иначе, чем человек.

Возврат. Через месяцы — дело, люди, смех; и вина за первый смех есть волна, а не измена; о смехе рядом с горем — та книга.

Год. Годовщина — волна и обряд; после — тише; и если так же, как в первый месяц, — глава тридцатая.

Правило: *дай идти; спи и ешь; держись обряда; не одному; пиши ему; без решений год; и вернись к делу без вины.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Быть при горюющем

†

При горюющем нужны присутствие, дело и слово в меру; и ремесло это оператора — соседа, начальника, друга, — ибо горюющий не может просить.

Прийти. Не ждать зова: горюющий не зовёт; прийти, сесть, быть; о присутствии — глава восемнадцатая. И приходить после сороковин, когда все ушли, — тогда нужнее всего.

Дело. Не «если что-то нужно — скажи»: он не скажет; сделать: еда, дети, бумаги, дорога, уборка; о списке — глава тринадцатая. Взять на себя одно и делать.

Слово. «Мне жаль»; «я здесь»; «расскажи о нём»; имя умершего вслух — горюющие боятся, что его забудут. Не «держись», не «время лечит», не «зато», не «он в лучшем мире», если не его вера; и не своё горе вместо его.

Слушать. Одно и то же в десятый раз — слушать; о слушании — та книга; горе рассказывает по кругу, и круг сужается.

Не торопить. Ни принятия, ни бодрости, ни вещей на выброс, ни «пора жить»; год — его; о мере — глава шестнадцатая.

Начальнику. Отпустить на обряд без счёта дней; вернувшемуся дать дело по силам и не спрашивать о горе при всех; и помнить сороковины и год.

Граница. Через год как в первый месяц; не встаёт; не ест; говорит о том, чтобы не жить — врач, о чём глава тридцатая и книга о страхе.

Правило: *приди без зова и после сороковин; сделай, не спрашивай; «я здесь» и имя вслух; слушай по кругу; не торопи; и знай границу.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Помнить

†

Помнить есть ремесло срока, места, имени и дела; и оно держит умершего среди живых столько, сколько живые держат его.

Срок. Годовщина, день рождения, родительская суббота, день мёртвых: в календарь; в срок — место, имя, стол; и срок держит память, как держал горе.

Место. Прийти, убрать, побыть; о месте — глава четырнадцатая; и место дома: полка, фотография, свеча в срок.

Имя. Вслух: в разговоре, за столом, детям; «дед бы сказал»; и ребёнку — кто он был.

Рассказ. Записать в первый год: кто был, что делал, что говорил; о семейном рассказе — книга о рассказе; и рассказ этот есть наследство ценнее вещей.

Дело. Продолжить его: сад, ремесло, дом, привычку; и сказать, что это его; о даре — та книга: дело, переданное, есть жизнь после.

Вещь. Одна коробка; одна вещь при себе; о том глава тринадцатая.

Мера. Память тускнеет, и это не измена; поминание раз в год через десять лет есть верность, а не забвение; и живые живут, о чём глава тридцатая.

Правило: *срок в календарь, место держать, имя вслух, рассказ записать, дело продолжить, одна вещь; и тускнение не измена.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Думать о своей

†

Думать о своей смерти в срок есть ремесло стоиков и счёт дня; и оно делает жизнь ценной, а не мрачной, если мера соблюдена.

Стоическое упражнение. Вечером: если бы этот день был последним — что сделал, чего не сделал, что бы изменил; Сенека и Марк Аврелий; о вечернем разборе — книга о созерцании. Пять минут; и день, посчитанный так, не тратится.

Износ образа. Представить свою смерть: где, как, кто рядом; и представлять, покуда образ не износится и не перестанет пугать; о том книга о страхе о привыкании к образу.

Различить. Чего боюсь: небытия — Эпикур; умирания — хоспис и воля о лечении; оставить дела — глава девятнадцатая; быть забытым — дело и дети. У каждого страха своё лекарство.

Счёт года. Раз в год: папка, о чём глава девятнадцатая; и вопрос: что хочу успеть; о цели — книга о стратегии; и не «когда-нибудь».

Мера. В срок, не всегда: думать о смерти ежечасно есть тревога без предмета, о чём книга о страхе; и не никогда, о чём глава тридцать вторая.

Плод. Кто думает в срок, тот не откладывает, не ссорится о мелком, держит своих ближе; Гринберг измерил это; и Сенека прав о рабстве.

Правило: *вечером пять минут счёта; образ износить; страх различить; год — папка и цель; слово своим; и в срок, не всегда.*

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

♀

ПРОТИВНИК

Молчание, торговля бессмертием, смерть как зрелище,
неустроенные дела, горе без обряда, горе без конца,
ложная надежда и жизнь, отложенная на потом

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Молчание

†

Первый противник — молчание о смерти: не говорить умирающему, не говорить ребёнку, не говорить «умер»; Толстой описал его в «Иване Ильиче», и с тех пор оно не изменилось.

Устройство. Все знают, что он умирает; все делают вид, что нет; и умирающий остаётся один среди своих, ибо с ним нельзя говорить о единственном, что важно. Ложь эта из страха, о чём та книга: страх сказать больше страха умереть. Ребёнку говорят «уехал» — и он ждёт; «уснул» — и боится спать.

Признаки: «не будем об этом»; «он не должен знать»; слова «ушёл» и «его не стало»; ребёнок, которого не взяли на похороны; и умирающий, который спрашивает, а ему отвечают о погоде.

Чем вредно. Умирающий не успевает сказать, устроить, проститься; горюющий не начинает горя, ибо смерть не названа; ребёнок горюет один и учится молчать; и дела остаются неустроенными, о чём глава двадцать восьмая.

Лечение — глава семнадцатая: «умер» вслух; умирающему — в меру его вопроса; ребёнку — правду коротко; и первый раз труден, второй — нет. Герасим у Толстого говорил правду и держал ноги: этого довольно.

Для оператора: начальник, врач, сосед, который не молчит, есть тот, кто нужен; и слово «умер», сказанное первым, разрешает говорить всем.

Правило: *скажи «умер»; отвечай на вопрос умирающего; ребёнку правду; и первый раз труден, второй нет.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Торговля бессмертием

†

Второй противник продаёт то, чего нет: бессмертие, молодость навсегда, чудесное исцеление, встречу с умершим за плату; о торговле страхом — та книга, здесь — страх смерти.

Устройство. Страх смерти есть самый большой, и торговля им — самая старая: эликсир, заморозка, таблетка молодости, курс «победи старение», медиум, вызывающий умершего. Всё по чертежу книги об обмане: образ ярче счёта, срок, один выход; и покупатель платит за ожидание, о чём книга о созерцании.

Виды. Продлить: средства без счёта лет. Не стареть: обещание того, что не удавалось никому. Исцелить безнадёжное: о ложной надежде — глава тридцать первая. Связаться с умершим: медиум, читающий горюющего по холодному чтению, о чём книга о ментализме. И «жизнь после» за деньги при жизни.

Признаки: обещание того, чего нет ни у кого; счёт скрыт; цена растёт со ступенью; и продавец пользуется горем или страхом, а не показывает вещь.

Чем вредно. Деньги; время последних месяцев; и горе, которому не дают идти, ибо «он рядом» за плату.

Защита. Спросить знаменатель: сколько из ста; спросить, что показано; о мере — та книга. Различить веру и товар: вера не продаётся, о чём глава тридцать четвёртая; продаваемое есть товар, и его проверяют как товар.

Правило: *бессмертие не продаётся; спроси знаменатель; и различай веру, которая своя, и товар, который проверяют.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Смерть как зрелище

†

Третий противник показывает смерть ежедневно — в новостях, в кино, в ленте, — и оттого она становится далёкой и близкой разом: далёкой, ибо чужая, и близкой, ибо всегда.

Устройство. Новости живут страхом, о чём та книга; смерть — самая сильная новость; и человек видит сто смертей в день, ни одна из которых не требует от него обряда. Смерть без обряда становится картинкой; и своя смерть, когда приходит, застаёт человека, никогда не провожавшего.

Признаки: смерть на экране не трогает; смерть соседа поражает; ребёнок видел тысячу смертей и не был на похоронах; и разговор о смерти близких невозможен, а о чужих — ежедневен.

Чем вредно. Утрачивается ремесло: люди не знают, что делать при умирающем, ибо видели лишь картинку. Страх растёт: ум считает по яркости, о чём книга о случае, и мир кажется смертельнее, чем есть. И чужое горе становится зрелищем, о чём книга о толпе.

Лечение. Мера входа новостей, о чём книга о внимании. Обряд для своих — полный: ребёнок на похоронах деда узнаёт о смерти больше, чем из ленты. И для чужой смерти, которая коснулась, — малый обряд: свеча, имя, минута; зрелище, ставшее обрядом, перестаёт быть зрелищем.

Правило: *мера входа; своим — полный обряд; чужой, которая коснулась, — малый; и не смотри того, чего не проводишь.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Неустроенные дела

†

Четвёртый противник приходит после: завещания нет, бумаги неизвестно где, пароли утеряны, долги не названы, дом не решён; и живые в худшие дни разбирают то, что умерший не устроил.

Устройство. О смерти не думали, о чём глава тридцать вторая; бумаги «потом»; и потом не пришло. Наследники ищут, спорят, платят; о споре о доме — книга о доме; о наследстве — книга о деньгах. Горе смешивается с ссорой, и ссора переживает горе.

Признаки: «он не оставил ничего»; счета, о которых узнают по письмам; дом, за который спорят на поминках; и дети, о которых не решено, с кем.

Чем вредно. Год спора вместо года горя; дом продан; семья разделена; и память умершего — в ссоре о его вещах.

Лечение — глава девятнадцатая: папка с завещанием, описью, волей о лечении и обряде; один близкий знает, где; пересмотр в год. Для тех, кто разбирает чужое: список, один ведущий, папка, ничего не выбрасывать до описи, о чём глава тринадцатая; и посредник при споре, о чём книга о стратегии.

Правило: *папка при жизни; один знает, где; пересмотр в год; и спроси старших, есть ли у них*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Горе без обряда

†

Пятый противник — смерть без обряда: не было похорон, не было стола, не было сроков; и горе, не начатое обрядом, не идёт, а стоит.

Устройство. Обряд даёт дело, собирает, разрешает, отмечает и кончает, о чём глава двенадцатая; без него горюющий не знает, что делать, один, без разрешения плакать, без признания смерти и без конца. Так горюют о пропавших без вести, о тех, кого не дали похоронить, о смерти вдали, о смерти, которую «не стали отмечать».

Признаки: горе не движется годами; смерть не признана — «а вдруг»; свои не собирались; сроков не было; и человек не был на могиле, ибо её нет.

Виды. Пропавший без вести. Умерший далеко. Обряд, отменённый обстоятельствами. Смерть, о которой не сказали ребёнку. И смерть, «не стоящая обряда»: нерождённого, чужого, животного, — а горе есть.

Лечение. Обряд можно совершить после, малый и полный: собрать своих; сказать слово; поставить место — камень, дерево, полку; накрыть стол; назначить срок и держать; о том главы пятая и двадцатая. Обряд через год работает, как через три дня; горе ждёт его.

Для оператора: смерть работника, соседа, того, кого не проводили, — повод собрать и сказать; и малый обряд — минута, имя, свеча — лучше отсутствия.

Правило: *обряд можно совершить после; собери, скажи, поставь место, накрой стол, назначь срок; и горе ждёт обряда.*

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Горе без конца

†

Шестой противник — горе, которое стоит: через год как в первый месяц; комната как при нём; жизнь не начата вновь; и здесь ремесло кончается и начинается врач.

Устройство. Горе идёт волнами и год, о чём глава одиннадцатая; у большинства — само; у немногих — останавливается: волны не редеют, дело не возвращается, умерший становится единственным содержанием жизни. Врачи зовут это осложнённым горем; и оно есть болезнь, а не верность.

Признаки: через год — как в первый месяц; вещи и комната нетронуты; отказ от людей и дела; вина, не проходящая; мысль о том, чтобы не жить; и сон, еда, тело — как при болезни.

Отчего. Без обряда, о чём глава двадцать девятая; смерть внезапная или ребёнка; вина, настоящая или мнимая; одиночество; и вера, что горевать вечно есть долг перед умершим.

Чем отличается от верности. Верность помнит в срок и живёт; горе без конца помнит всегда и не живёт; и умерший, если бы мог, выбрал бы первое.

Лечение. Обряд, если его не было. Свои: не одному. Дело по силам. И врач: горе без конца лечится, как лечится тревога, о чём книга о страхе; и просить помощи есть ремесло, а не слабость.

Для оператора при горюющем: через год спросить прямо; отвести к врачу; и не поддерживать комнату нетронутой.

Правило: *год — мера; через год как в первый месяц — врач; верность живёт, горе без конца нет.*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Ложная надежда

†

Седьмой противник — надежда, которой торгуют и которой лгут: лечение до конца без вопроса, целитель, «ещё одно средство»; и последние месяцы уходят на бой вместо прощания.

Устройство. Гаванде: врач предлагает ещё, ибо предложить нечего иного; родные требуют ещё, ибо иначе «сдались»; умирающий соглашается, ибо не хочет огорчить; и никто не спрашивает, чего он хочет. Целитель — та же надежда за плату, о чём глава двадцать шестая.

Признаки: «мы боремся» вместо «мы с тобой»; лечение, которого умирающий не хотел; целитель, купленный родными; и последний месяц в больнице вместо дома.

Чем отличается от надежды честной. Честная надежда знает счёт: сколько из ста, какой ценой, чего хочет сам; ложная не спрашивает. Надеяться можно на всё; лгать о счёте нельзя.

Чем вредно. Боль вместо покоя; больница вместо дома; несказанное слово; и горе родных, отягощённое тем, что мучили.

Лечение. Два вопроса Гаванде: чего вы боитесь, на что надеетесь; и третий: чего хотите, если времени мало. Воля о лечении при жизни, о чём глава девятнадцатая. Хоспис есть не отказ, а иное лечение: покоя. И различать: надежда своя — вера, о чём глава тридцать четвёртая; надежда, проданная, — товар.

Правило: *спроси, чего он хочет; счёт вслух; хоспис есть лечение; и надежда честна, когда знает счёт.*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Жизнь, отложенная на потом

†

Последний противник — не думать о смерти никогда: «потом» без срока; и Иван Ильич понял на смертном одре, что жил не так, ибо думал, что времени много.

Устройство. Срок неизвестен — и ум принимает его за бесконечный; о том книга о времени о будущем, которое съедает настоящее. Дела — потом; слово — потом; свои — потом; и потом приходит смерть, а не время. Стоики видели это и звали memento mori.

Признаки: «когда-нибудь»; «вот выйду на пенсию»; несказанное близким; неустроенная папка; и жизнь, состоящая из подготовки к жизни.

Чем вредно. Не сделанное не делается; не сказанное не говорится; и смерть застаёт неустроенным — не только бумагу, но жизнь. Толстой описал это точнее всех.

Лечение — глава двадцать четвёртая: вечерний счёт дня как последнего; год — папка и цель; слово своим при жизни; и «когда-нибудь» переписать в срок, о чём книга о времени. Гринберг: напоминание о смерти делает своих ближе — и это не мрак, а мера.

Для оператора: дело, которое он ведёт, кончится или с ним, или без него; и передать при жизни, о чём книга о власти, есть ремесло того, кто думал в срок.

Правило: *«потом» есть имя противника; счёт дня вечером; срок всему; слово своим сейчас; и передай при жизни*.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

♀

ГРАНИЦА

Чего ремесло не может, что устройство, а что вера,
смерть и дело,
как упражняться и какими правилами держаться

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Чего ремесло не может

†

Соберём пределы, ибо о ремесле смерти говорят либо как о ничём, либо как о всём.

Оно не отменяет смерти. Оно встречает её; отменяющий торгует.

Оно не отменяет горя. Даёт ему идти; горе без горя есть не сила, а замороженность.

Оно не ведёт по ступеням. Волны; и провожающий идёт рядом, не впереди.

Оно не говорит, что после. О том вера; и ремесло одно при всякой.

Оно не заменяет врача, когда горе стоит; и не заменяет лекарства от боли.

Оно не делает смерть лёгкой: делает её проведённой, а не одинокой.

И оно не спасает от «потом», если не думать в срок.

Кто знает эти пределы, тот говорит «умер», сидит при умирающем, устраивает свою папку, ведёт обряд, горюет год, помнит в срок и считает день вечером; и получает то, что ремесло даёт — проведённую смерть, прошедшее горе и ценный день, — не требуя того, чего оно не может.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Что устройство, а что вера

†

Книга обещала эту границу с первой главы; проведём её по тому, что в ремесле смерти одно у всех, и что — у каждого своё.

Обряд — устройство. Проводить, омыть, собрать, предать, есть вместе, помнить в срок: так делают при всех верах и без; и обряд держит живых одинаково, ибо он для живых. Слова обряда — от веры; действия — общие.

Горе — устройство. Волны, год, тело, свои; одно у верующего и нет; и врач при горе без конца — тот же.

Предел — устройство. Жизнь конечна, срок неизвестен, и день ценен оттого; стоик и монах согласны в счёте дня.

Что после — вера. Встреча, суд, ничто, возвращение, память: принимается или нет; приборы молчат; и книга не говорит ни «да», ни «нет», ибо решить может лишь тот, кто умирает, и тот, кто провожает. Честное ремесло совершает обряд по вере умершего, а не по своей; и не спорит с умирающим о том, что после.

> Обряд, горе, умирание и предел — устройство, одно у всех;
> что после — вера, у каждого своя;
> ремесло совершает обряд по вере умершего
> и не спорит с ним о том, чего не знает.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Смерть и дело

†

Смерть служит делу или останавливает его; и мера её в деле есть мера ремесла оператора.

Что предел даёт делу. Срок: дело с концом делается; о том книга о стратегии. Меру: что важно, видно при мысли о последнем дне. Передачу: кто думает в срок, тот готовит преемника, о чём книга о власти. И своих: напоминание о смерти делает их ближе.

Что смерть отнимает у дела. Работника — и дело стоит, если он не передал. Хозяина — и дом делят, если не устроил. Год у горюющего — и его надлежит дать. И оператора — если он горюет о каждом чужом как о своём.

Мера ведущего. Своя папка есть; преемник растёт; при смерти работника — слово, обряд, помощь семье, отпуск горюющим без счёта; смерть в деле — не новость, а дело; и вопрос старшим раз в год: «папка есть?»

Мера ведомого. Папка при жизни; слово своим; и при чужой смерти — прийти без зова и сделать, не спрашивая.

Итог лестницы. Книга эта стоит рядом с книгами о страхе, о ритуале и о даре и служит всем прочим: кто думает о пределе в срок, тот не откладывает, не ссорится о мелком и передаёт при жизни; и оттого смерть есть мера оператора, а не его конец.

Правило: *папка, преемник, слово своим; при чужой — обряд и дело; и счёт дня вечером*.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Упражнения

†

Ремеслу смерти учатся заранее, ибо в час её учиться поздно; и упражнения здесь суть ступени одного ремесла.

Папка. Завещание, опись, воля о лечении и об обряде; один близкий знает, где; срок пересмотра в календарь.

Счёт дня. Неделю вечером: если бы день был последним — что сделал, чего не сделал.

Слово. Одному близкому — то, что сказал бы на похоронах: сейчас.

Сроки. В календарь: годовщины своих умерших; в срок — имя, место, стол.

Рассказ. Записать об одном умершем: кто был, что делал, что говорил; для детей.

Старшим. Спросить родителей о папке и о воле; разговор на минуту.

Чтение. Сенека «Письма к Луцилию», о смерти; Марк Аврелий «Наедине с собой»; Толстой «Смерть Ивана Ильича»; Гаванде «Всё, что можно»; Кюблер-Росс «О смерти и умирании» — с оговоркой о ступенях.

Правило упражнений то же, что всюду: ежедневно, помалу, с записью; и здесь оно есть само ремесло.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Гигиена провожающего

†

Соберём правила, малые каждое и достаточные вместе.

Говори «умер».

Умирающему — в меру его вопроса; и «я с тобой».

Боль снять; сидеть; слух уходит последним.

Ребёнку правду коротко; на похороны, если хочет.

Обряд полный, хотя бы малый; веди, если некому.

Сроки записаны: девять, сорок, год.

Горе — волнами и год; спать и есть; без решений.

К горюющему — без зова и после сороковин; сделай, не спрашивай.

Через год как в первый месяц — врач.

Своя папка есть; пересмотр в год.

Счёт дня вечером; в срок, не всегда.

Своя очередь и свой сон.

Правила эти просты, и это их достоинство: ремесло смерти живёт в скучных действиях обряда, а утешение в нём есть то, что приходит, когда действия сделаны.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Правила провожающего

†

Соберём правила для того часа, когда провожаешь — умирающего, умершего, горюющего.

Спроси, в каком круге ты: своя, близкая или чужая; и делай ремесло круга.

Первой фразой, лицом: «он умер».

Возьми список или отдай тому, кто горюет меньше.

Боль — врачу; присутствие — себе.

Слушай по кругу; запиши, что просил.

Дай сделать нужное: позови, привези, напиши под диктовку.

Омой своими руками, если обычай и сила.

Собери, дай плакать, скажи слово, накрой стол.

Обряд по его вере, не по своей.

Уйди, когда просят; вернись после сороковин.

И помни, что провожающий держит живых, когда держать нечему; и всё, что ты сделал по обряду, сделано за тех, кто не мог, — в том его смысл.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Правила горюющего

†

И правила для того, кто горюет, — ибо оператор бывает и им, и в тот час правила нужнее всего.

Горе идёт волнами; не жди ступеней и не требуй принятия.

Спи и ешь, как больной.

Держись обряда и сроков; они ведут, когда сил нет.

Не одному: прими помощь и дай дело помогающим.

Говори о нём и имя вслух.

Пиши ему неотправленное.

Без решений год: дом, переезд, дело.

Вещи — после сорока дней, не как при нём; одна коробка памяти.

Первый смех — не измена.

Через год как в первый месяц — иди к врачу; это ремесло, не слабость.

И помни, что горюющий переживает то, что переживали все до него по тому же чертежу; и всё, что ты делаешь по обряду, делали они, — и жили после.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Заключение: смерть и мера

†

Сведём книгу к тому немногому, что стоит держать в памяти без справок.

Смерть для живых есть *предел, событие с обрядом и утрата*. Предел делает день ценным, и о нём думают в срок; обряд один у всех и держит живых; горе есть устройство с ходом и мерой. Три круга — своя, близкая, чужая; и ремесло у каждого своё.

Египет готовился к суду; Сократ и Эпикур сняли половину страха рассуждением; стоики дали счёт дня; все народы дали обряд из семи действий; Сондерс и Гаванде вернули умирающему голос; опыты показали, что горе идёт волнами и проходит у большинства. Ремесло — говорить, быть при умирающем, папка, проводить, горевать, быть при горюющем, помнить, думать о своей — едино в правиле: «умер» вслух, боль снять, сидеть, обряд полный, год волнами, срок в календарь, папка при жизни, счёт дня вечером.

Противники — молчание, торговля, зрелище, неустроенные дела, горе без обряда, горе без конца, ложная надежда, «потом» — узнаются по одному: слово не сказано или обряд не совершён; и лечатся одним: сказать и совершить, хотя бы после.

И последнее. *Кто научился умирать, тот разучился быть рабом*: кто думает о пределе в срок, тот не откладывает, не лжёт умирающему и передаёт при жизни; и оттого смерть есть мера оператора, а не его конец. На этом стоит и смерть, и мера.

♀

†

СМЕРТЬ

Предел жизни и ремесло провожающего

Изложение в сорока главах

O.V.K — X.T.R

Набрано и свёрстано
для настольного издания
формата 148 × 210 мм

♀